

Дроздова С.А. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КОНЦЕПТА “ВЛАСТЬ”

Для исследования основных концептов политического дискурса важное значение имеет изучение теоретической основы данного вопроса. Следует заметить, что учение о концепте, разрабатываемое в европейской философии на протяжении веков, лишь отчасти восходит к латинскому корню – *conceptus* – “понятие”. Если проследить историю возникновения самого термина “концепт”, можно отметить, что направление, изучавшее концепты и именуемое концептуализмом, возникло в XI – XII веках и занимало промежуточное положение между средневековым реализмом и номинализмом в решении проблемы универсалий. В философии в этот период доминировали две основные проблемы универсалий: онтологическая, поставленная Платоном, - о реальном существовании некоего общего начала “до и помимо” единичных вещей, и методологическая, поставленная Аристотелем, - об общем начале как основе доказательства. Классическим примером решения этих проблем является теория универсалий П. Абеляра, согласно которой универсалии существуют до сотворенной природы в божественном разуме в качестве “концептов” Бога и прообразов единичных вещей. В настоящий период данная теория получила новый импульс в философии и в других гуманитарных науках. Так, например, в работе Делеза Ж. и Гваттари Ф. “Что такое философия?” авторы исследуют понятие “концепт” с философской позиции. С их точки зрения, концепт представляет собой некий сгусток смысла, некое пространственное образование, событие, присущее только философии. Авторы выделяют концепт в качестве некой сети, протянутой философом сквозь вечный хаос, в узелках ее образуются завихрения, которые, не утрачивая бесконечной скорости, приобретают некую консистентность, то есть концепт. На наш взгляд, данная теория предполагает пространственное мышление, поскольку достаточно абстрактна.

Исследования взаимоотношений языка и мышления можно найти в работах многих ученых всех периодов времени. Однако лишь в последние десятилетия когнитивная лингвистика, выделившаяся как наука, выявляющая “...своеобразное языковое знание всех областей бытия и небытия, всех проявлений мира, как материального, так и индивидуально-психологического и социального (общественного)...” [2, с.312], исследует проблемы неразрывно связанные с понятием “концепт”, “концептуализация”, “картина мира”. “Предпосылки для соотнесения реального мира и его отражения в сознании человека – картины мира (т. е. “объективной реальности мира, независимой от сознания человека, и идеальной картины мира как продукта человеческого сознания”) создаются, по мнению В. Г. Колшанского, существованием “вторичного, идеального мира в языковой плоти”, т. е. языковой картиной мира. Каждый естественный язык отражает определенный способ концептуализации (восприятия и организации) мира...” [6, с. 65]. В настоящее время появилось достаточно большое количество работ, посвященных концептуальным исследованиям, которые можно условно разделить на следующие основные направления:

- исследование концептуальной основы древних языков (работы И. П. Михальчук, 1997, В. И. Шаховского, 1997, Т. В. Топоровой, 1996, 1998, 2000 и др.);
- когнитивное изучение текстов (работы В. В. Красных, 2000, В. И. Шаховского, 2000, Г. Г. Слышкина, 2000, А. А. Кибрик, 1994 и др.);
- когнитивные исследования в области словообразования, грамматики и синтаксиса (О. Г. Раевской, 1999, Болдырева, 1998, И. П. Сусова, 1998 и др.);
- когнитивное изучение картины мира (работы И. Г. Ольшанского, 1996, Е. Ф. Тарасова, 2000 и др.);
- изучение когнитивной метафоры (А. Л. Шахнаров, 2000, Н. М. Орлова, 2000 и др.).

В когнитивной лингвистике в настоящий период существует большое разнообразие подходов к определению понятия “концепт”, а также исследованию его взаимоотношений со значением языковой единицы. Так, например, под “концептом” понимается некая “универсалия”, “общая идея”, закрепленная в ментальности, в психике и воспроизводящая картину мира представителей того или иного этноса. По мнению Е. С. Кубряковой, концепт отражает представления “о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания” [18, с. 90]. В отличие от лексической единицы языка, концепт представляется единицей сознания, ментального лексикона. С точки зрения Е. В. Рахилиной, “главным свойством концептов нередко считается их неизолированность, связанность с другими такими же – это определяет то, что всякий концепт погружен в домены, которые образуют структуру. Домены образуют тот фон, из которого выделяется концепт” [10, с. 3].

Концепты как элементы сознания являются вполне автономными от языка. Как замечает Н. Н. Болдырев, достаточно часто люди владеют словами не на уровне их значений, а на уровне передаваемых ими смыслов, то есть концептов и концептуальных признаков. Они применяют их как готовые клише в контекстах, не задумываясь, какое значение закреплено в сознании большинства людей за тем или иным словом [3, с. 25]. Особенно это хорошо заметно в политической коммуникации: “К сожалению, в 1985 году на макушке власти в СССР не оказалось ушей, способных социолога услышать” [4].

Следует отметить, что слово или действие становятся концептом только в процессе коммуникации, поскольку коммуникация приводит в движение весь “пучок” представлений, ассоциаций, переживаний, сопровождающий данное “ключевое слово” или действие. В когнитивной лингвистике существуют две основные точки зрения на вопрос о взаимоотношении концепта и языкового значения слова. Согласно первой - концепты, выражаемые в тех или иных значениях языковых средств, равны им (Р. Джэкендофф). С

другой же - значения в определенной степени независимы от языка (А. Вежбицкая). Слова, как вербальная форма концептов, составляет концептосферу национального сознания. По словам Анны Вежбицкой, в словах языка закодированы определенные способы концептуализации мира. Значение слова представляется лишь попыткой дать общее представление о содержании выражаемого концепта и его отдельных характеристиках. Любое слово представляет собой определенную часть концепта, так как ни один концепт не выражается в речи полностью, поскольку, как отмечают авторы работы “Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях” З. Д. Попова, И. А. Стернин, “...во-первых, концепт – результат индивидуального познания, обобщения, категоризации, а индивидуальное требует комплекса средств для своего полного выражения; во-вторых, концепт представляет собой не жестко структурированную объемную единицу, целиком ее выразить просто невозможно; в-третьих, ни один исследователь и ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать, а затем проанализировать полностью все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке, всегда что-то остается не зафиксированным и, следовательно, неучтенным...” [9, с 11]. Концепты представляют собой так называемый понятийный инвентарь, находящийся в распоряжении человека, для осуществления речемыслительного процесса.

Как отмечают лингвисты, занимающиеся вопросами концептуального анализа (А. Л. Шахнаров, Н. М. Орлова и др.), концепты создаются метафорическим путем, где материалом служат словоупотребления, соединяющие разные смыслы одного слова. Данное свойство (метафоричность), лежащее в природе концептов, подкрепляется сущностной связью с действительностью понятий. По определению Е. С. Кубряковой [7], значением слова становится лишь концепт, “схваченный знаком”. Поэтому взаимоотношения между значениями и концептами имеет сложный характер.

Следует отметить, что для характеристики значения слова недостаточно обладать только знаниями языковых категорий, форм и значений, необходима так называемая фоновая информация, которую можно рассматривать в качестве общепринятых и обобщенных знаний, позволяющая более глубоко понимать языковые значения. Для наименования данных блоков знаний, или когнитивных контекстов, в лингвистике существует несколько основных определений: “ментальные пространства” (Ж. Фоконье, Дж. Лакофф), “cognitive domains” (когнитивные области, контексты) (Р. Лэнекер), фрейм (Ч. Филмор), являющийся “единицей знаний, организованной вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащей сведения о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации” [18, с. 188].

Поскольку концепты находят свое выражение в словах, само исследование их предполагает прежде всего анализ слов. И здесь, как справедливо отмечает М. В. Ильин, “...на первый план выходит проблема соотносимости понятий, выраженных словами разных языков... Нередко возникает иллюзия, что понятия существенно отличаются, коль скоро они выражены разными словами, и наоборот – что так называемые интернациональные слова (демократия, конституция и т.п.) якобы выражают единый общепонятный концепт...” [5, с.7].

И. А. Стернин в исследовании, посвященном вопросам методики изучения структуры концепта [12, с.58], все концепты распределяет на три основных типа:

- одноуровневые;
- многоуровневые;
- сегментные.

Одноуровневые концепты, содержащие только один базовый слой, представляют собой предметные образы. Многоуровневый же концепт состоит из нескольких когнитивных слоев, накладывающихся друг на друга в процессе усиления абстракции (И. А. Стернин приводит в качестве примера концепт “грамотный”). Структура сегментного концепта представлена в виде базового слоя, окруженного несколькими сегментами, равноправными по степени абстракции (например, толерантность). В свою очередь Ю. А. Степанов предлагает свою структурную модель концепта, состоящую из: 1) основного, актуального признака; 2) дополнительных, “пассивных” признаков, являющихся историческими; 3) внутреннюю форму, запечатленную во внешней, словесной форме [11, с. 44].

Переходя непосредственно к исследованию основных концептов политического дискурса, следует подчеркнуть тот факт, что при описании и анализе микроконцепта “власть” как составляющего элемента макроконцепта “государство”, необходимо, на наш взгляд, отметить, что он характеризуется тесной связью с микроконцептом “общество” в значении “народ”, поскольку их совокупность и взаимные отношения составляют основу общественного бытия политики. Данный микроконцепт представляет собой сегментное образование, содержащее несколько равноправных когнитивных сегментов, различающихся по уровню абстракции. Его ядро объективируется в языке лексемой “власть”. При анализе данного ключевого слова возможны два основных подхода: с позиции диахронии и синхронии. Наиболее полное представление о семантике лексемы, репрезентирующей концепт, можно получить при сопоставлении данных толковых и энциклопедических словарей различных временных периодов, позволяющих выявить первоначальное значение лексемы. Так, например, “Словарь русского языка” С. И. Ожегова дает следующие семемы лексемы “власть”: “1. Право и возможность распоряжаться кем-нибудь или чем-нибудь, подчинять своей воле; 2. Политическое господство, государственное управление и его органы; 3. Лица, облеченные правительственными, административными полномочиями” [19, с. 90]. Расширяют представление о понятии “власть” сведения из энциклопедического “Политологического словаря”, по которым власть является центральным, организационным началом политики, средством осуществления

политики. Универсальными свойствами власти считается ее всеобщность (т. е. функционирование во всех сферах общественных отношений и политических процессах), способность проникать во все виды деятельности (т. н. инклюзивность от лат. *include* – включать), связывать людей, общественные группы и противопоставлять их. Понятие власти также включает понятие отношения, основанного на наличии субъекта и объекта (или второго пассивного субъекта), особого волевого отношения субъекта к объекту этого отношения. Оно состоит в побуждении к действию, которое второй субъект должен совершить по желанию первого. Поэтому понятие “власть”, как и сама власть, возникает в отношениях между людьми или группами людей, обществом и его частями, т. е. субъектами, наделенными сознанием (индивидуальным или коллективным) и волей, способностью к деятельности. Основными структурными элементами властного отношения являются субъект власти – агент, выступающий причиной изменения (возможного изменения) действий другого агента (объекта), и объект власти – агент, изменение деятельности (сознания) которого есть следствие воздействия со стороны субъекта. При отсутствии каузальной связи между акторами никакие отношения не могут считаться “властными”. Результат (“выход”) власти — это подчинение объекта. Для его достижения могут использоваться разные инструменты: угроза применения негативных санкций, непосредственное физическое принуждение, манипуляция, убеждение и т.д. В любом случае результат власти проявляется в каких-то изменениях в самом объекте, в его сознании и/или поведении.

Власть существует и функционирует не только в разных сферах общества, но и на трех уровнях его социальной структуры: общественном, охватывающем наиболее сложные социальные и политические отношения; публичном или ассоциативном, объединяющем коллективы и отношения в них (общественные организации, союзы) и личном (частном, приватном), в малых группах и т.п.

Как справедливо отмечает Э. Бенвенист, “...всякое слово, произнесенное властью, предопределяет некоторое изменение в мире, создает нечто...” [1, с. 330]. Данное высказывание позволяет сделать основной вывод о том, что ядром концепта “власть”, или его базовым слоем является семема “подчинение кого-то своей воле”. Также необходимо подчеркнуть, что концепт “власть” включает в свой состав микроконцепты “идеологию” и “политику”, определяющихся с помощью политической и идеологической лексики и терминологии.

Диакроническое исследование лексемы “власть”, а также сравнительный анализ разных языков, позволяют выявить первичный когнитивный признак, лежащий в основе концепта. Английское “power” (“власть”) происходит от латинского “potere”, означавшего “быть способным”, в то время как “influence” (“влияние”) — от латинского “influere” (“втекать”, “проникать”, “находиться под воздействием”), выражавшего магическую идею о субстанции, которая исходит от звезд и проникает в людей, изменяя их поведение [16, с.9]. В русском языке различие между “властью” и “влиянием” тоже очевидно. Хотя у этих слов имеются пересекающиеся значения, ядром “власти” является способность (возможность) повелевать, владение (обладание) чем-либо, т.е. диспозиция, тогда как “влияние” однозначно указывает на действие и имеет ту же этимологию, что и английское “influence”, восходя к латинскому *influentia* [21, с.183-185; 22, с.227]. Первоначально в ядре концепта “власть” находился когнитивный признак “приумножать, увеличивать”, в котором власть представлялась в качестве одной из форм реализации авторитета. Как отмечает М. В. Ильин, исследование концепта “власти” неразрывно связано с изучением концепта “авторитет”.

Связь между данными концептами достаточно сложная, поскольку, с одной стороны, авторитет является формой осуществления власти, “...наряду с косвенным влиянием, принудительным контролем, насилием и т. п. С другой стороны, авторитет сводится к легитимированному руководству, к способности направлять действия и мысли других политических субъектов без использования принуждения или насилия” [5, с. 203]. Также авторитет рассматривается и как один из источников власти, и тут уже власть становится, в свою очередь, формой реализации авторитета. Следовательно, первоначальным значением лексемы “власть”, а также базовым слоем концепта “власть” является “приумножение, сила, которая заставляет растения произрастать и дает жизнь закону” [1, с.330]. В настоящее время, когда слова становятся более рациональными и очищаются от множества уходящих в глубь веков смыслов, данное значение практически утрачено. Значительная часть интерпретационного слоя концепта “власть” организуется архисемами, связанными в той или иной степени с формами воздействия. Например:

- “господство”;
- “влияние”;
- “воздействие”;
- “обозначение субъектов верховной власти”;
- “стремление подчинить”;
- “авторитет”;
- “насилие”;
- “мощь”;
- “сила”.

Данные архисемы репрезентируют периферийные когнитивные слои концепта “власть”, отличающихся схожестью семантики:

- “превышение властью”;
- “быть под властью”;
- “употреблять власть”;
- “злоупотреблять властью”;

- “терять власть”;
- “прийти к власти”;
- “быть у власти”.

Концепт “власть” представляет собой ключевое для целой группы когнитивных процессов понятие. В славянских языках, например, в сербо-хорватском, понятие “власт-” означает “родина”, “отечество”; в древне-русском – “волость” (“власть”) – государство, округ, страна. Значимость концепта “власть” для когнитивной проблематики демонстрирует деривативное гнездо, в центре которого находится существительное “власть”: *власть, властный, властвовать, владеть, властвование, господство, полномочие, верховенство, многовластие, безвластие, единовластие* и другие. Концепт “власть” синтетичен, поскольку объединяет разные аспекты объекта: с одной стороны, “емкость” власти позволяет искать в ней предпосылки для развития семиотических концептов, таких как *авторитет, управление, контроль*, с другой – отличается от них, так как они являются ее составляющими элементами. Ментальные концепты представляют сложность для концептуального анализа, поскольку их семантическая сущность достаточно расплывчата. Таким образом, можно утверждать, что концепт может иметь лексическое выражение, но связан в языковой системе не обязательно с одним словом, а с целым рядом словообразовательных гнезд, исходные лексемы которых входят в синонимический ряд. При этом члены синонимического ряда образуют ядро концептуальной парадигмы, а остальные однокоренные слова – ее периферию.

Выделяются следующие однокоренные единицы лексемы “власть”: *властный, властен, властно, властность, властолюбивый, властолюбиво, властолюбец*. Такие лексемы как “*властелин*”, “*властитель*”, “*властительно*”, “*властительский*”, “*властвование*” в настоящее время практически вышли из употребления.

Понятийное поле концепта “власть” представляет собой систему лексем, которая репрезентирует номинации средств управления и социального регулирования, методов принуждения, убеждения и насилия. Данное понятийное поле является открытым, поскольку под влиянием экстралингвистических факторов оно вбирает в себя новые лексемы, заимствованные из других языков, в результате чего происходит его расширение. Следует отметить, что подобная тенденция в настоящее время является одной из основных и охватывает наибольшее количество лексических единиц.

В связи с тем, что концепт “власть” можно рассматривать как объединение микроконцептов “политики” и “идеологии”, его функционально-семантическое поле чрезвычайно широко и представлено такими ядерными идеологемами, как *коммунисты, либералы, демократические идеи, рейтинг, центристы, левые радикалы, коммунисты-радикалы, умеренные левые, коммунисты-парламентарии, социалисты, социал-демократы, умеренные правые, неоконсерваторы, правые радикалы, фашисты, новые правые* и многие другие. Каждая из партий и фракций представляет в политическом дискурсе слова семантического поля “власть” с различными коннотациями и аксиомами, но денотативное ядро даже в полярных высказываниях не меняется в своей семантической структуре. Данные лексико-семантические группы объединены так называемыми доминантными гиперсемами “политика” и “идеология”.

Таким образом, концепт “власть” как ментальный концепт представляет сложность для концептуального анализа. Являясь одним из основных человеческих концептов, “власть” структурирует политическую лексику и терминологию, организованные от ядра до периферии интегрированными мотивационными гиперсемами “власть”. Понятийное поле концепта “власть” представляет собой систему лексем, которая репрезентирует номинации средств управления и социального регулирования, методов принуждения, убеждения и насилия. Номинации государственной власти, представляющие собой системное полеобразование, структурированы на лексическом уровне и объединены парадигматическими, деривационными и синтагматическими отношениями. Данное поле под влиянием изменений, происходящих в обществе, вбирает в себя новые лексемы и возвращает старые, забытые для заполнения образовавшихся лакун, возникших в результате перемен в политической и общественной жизни.

Литература:

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – Цивилизация. К истории слова. - М., 1974.
2. Бодуэн де Куртенэ И. А. “Количественность в языковом мышлении” // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. - Т.1. - М., 1963.
3. Болдырев Н. Н. Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001.
4. Завтра, № 33 (456), август, 2002
5. Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. – М.: РОССПЭН, 1997.
6. Красных В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, Кучково поле, 2001.
7. Кубрякова Е. С. Обеспечение речевой деятельности и проблемы внутреннего лексикона // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. - М.: Наука, 1991.
8. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в за рубежной лингвистике. Вып. 29. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988.
9. Попова З. Д., Стернин И. А. Понятие “концепт” в лингвистических исследованиях. - Воронеж, 2000.
10. Рахилина Е. В. О тенденциях в развитии когнитивной семантики // Известия РАН, Сер. лит. и языка, Т. 59, № 3, 2000.

11. Степанов Ю. А. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. - М., 1997.
12. Стернин И. А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. - Воронеж, 2001.
13. Fauconnier G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1998.
14. Fillmore Ch. J., Atkins B. T. Toward a frame-based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors // Frames, Fields, and Contrasts / Lerner A., Kittay E., eds. Hillsdale, N. J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992.
15. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
16. Morris P. Power: A Philosophical Analysis. Manchester, 1987.

Словари:

17. Историко-этимологический словарь современного русского языка. - М.: Русский язык, 1994.
18. Краткий словарь когнитивных терминов. - М., 1996.
19. Ожегов С. И. Словарь русского языка. - М., 1990.
20. Политология. Энциклопедический словарь. - М., 1993.
21. Словарь русского языка в четырех томах. Т. 1. - М., 1985.
22. Словарь русского языка XI-XVII вв. Вып. 2. - М., 1975.